

«АПОСТОЛЬСКИЙ ПРЕСТОЛ» В ТВОРЕНИЯХ СВТ. ЛИБЕРИЯ РИМСКОГО И СВТ. АФАНАСИЯ ВЕЛИКОГО

Г. Е. ЗАХАРОВ

Статья посвящена сравнительному анализу двух первых упоминаний в источниках о Римской кафедре как об «апостольском престоле» в творениях папы Либерия и свт. Афанасия Великого (50-е гг. IV в.). Автор приходит к выводу, что римский и александрийский епископы используют этот термин в разных значениях. Если папа считает Рим апостольским престолом в особом, можно даже сказать, исключительном смысле и рассматривает общение с Римом как необходимое условие сохранения ортодоксии, то свт. Афанасий просто подчеркивает особое достоинство Римской Церкви как имеющей апостольское происхождение и пребывающей в столице Империи, и осуждает насильственные действия, приведшие к «падению» ее предстоятеля.

Уже в первые века христианской истории апостольское происхождение той или иной местной Церкви придавало ее голосу особый авторитет. Сами апостолы начинают восприниматься как основатели епископских кафедр и возглавляют списки предстоятелей тех или иных церковных общин¹. О преемственности епископов в отношении апостолов говорит уже св. Климент Римский². Св. Ириней Лионский делает эту идею одним из краеугольных камней своей экклезиологии, сформировавшейся в полемике с гностическими сектами. Учениям еретиков св. Ириней противопоставляет единое и неповрежденное апостольское предание, бережно хранимое католическими Церквями³. При этом особым авторитетом в деле интерпретации апостольской традиции обладают Церкви, основанные апостолами. В подтверждение своей идеи св. Ириней приводит список предстоятелей Римской Церкви, восходящей к апп. Петру и Павлу⁴, которую он именует «величайшей, древнейшей и всем известной» (*maximae et antiquissimae et omnibus cognitae*). Упоминает он также о прямой личной связи своего учителя — св. Поликарпа Смирнского — с ап. Иоанном Богословом⁵. Тертуллиан также особо выделяет апостольские Церкви (*ecclesias apostolicas*), в которых расположены «апостольские кафедры» (*cathedrae apostolorum*), указывая в этой связи на общины

¹ См.: Пеликан Я. Христианская традиция. История развития вероучения. Т. 1: Возникновение католической традиции (100–600). М., 2007. С. 103–115.

² *Clem. Rom.* Ep. I ad Corinth. XLII, XLIV.

³ *Iren. Adv. Haer.* III. 1. 1–2; 11. 7; 13. 1.

⁴ *Iren. Adv. Haer.* III. 3. 2–3.

⁵ *Iren. Adv. Haer.* III. 3. 4.

Коринфа, Филипп, Эфеса и Рима⁶. Между последними двумя Церквами на рубеже II и III вв. разгорается острая полемика по вопросу о времени празднования Пасхи, при этом Поликрат Эфесский ссылается в подтверждение своей позиции на традицию, восходящую непосредственно к ап. Иоанну⁷. Об особом значении апостольских Церквей⁸ и о Петровом преемстве Римской кафедры⁹ упоминает в своем полемическом послании к евсевиянам (341) и папа Юлий I¹⁰, в то время как его противники указывают на то, что Риму не стоит гордиться апостольским происхождением, поскольку апостолы пришли в столицу Империи с Востока¹¹. В целом можно с определенностью утверждать, что учение об особом достоинстве Церквей, имеющих апостольское происхождение, является неотъемлемой частью кафолической эkkлезиологии III–IV вв.

Однако помимо подобного рода исторического и традиционалистского взгляда на апостольское преемство мы встречаем в патристических текстах этого периода и иную его интерпретацию, которую можно охарактеризовать как универсально-иерархическую. Так, св. Киприан Карфагенский, рассматривавший единство епископата как фундамент Кафолической Церкви¹², утверждает, что все епископы (независимо от исторического происхождения возглавляемых ими общин) занимают кафедру Петра¹³. Вероятно, в том же универсальном смысле нужно интерпретировать и высказывание свт. Василия Великого, обращенное к свт. Амвросию Медиоланскому: «Сам Господь из судей земных возвел тебя на престол апостольский» (αὐτός σε ὁ Κύριος ἀπὸ τῶν κριτῶν τῆς γῆς ἐπὶ τὴν προεδρίαν τῶν Ἀποστόλων μετέθηκεν)¹⁴. Чуть позднее один из непримиримых врагов медиоланского святителя омиийский епископ Палладий Ратиарский также будет утверждать, что преемниками Петра являются все епископы¹⁵.

⁶ *Tertull.* De praescr. XXXVI.

⁷ *Euseb.* Hist. eccl. V. 24.

⁸ *Ath.* Apol. contr. ar. 35: «Ибо страдали не малые какие церкви, но те, которыми лично управляли апостолы» (οὐχ αἱ τυχοῦσαι ἐκκλησίαι αἱ πάσχουσαι, ἀλλ' ὧν αὐτοὶ οἱ ἀπόστολοι δι' ἑαυτῶν καθηγήσαντο).

⁹ *Ath.* Apol. contr. ar. 35: «Ибо я возвещаю вам то, что мы приняли от блаженного апостола Петра» (ἃ γὰρ παρελήφαμεν παρὰ τοῦ μακαρίου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου, ταῦτα καὶ ὑμῖν δηλώ).

¹⁰ См. подробнее: *Захаров Г. Е.* Принцип апостоличности в полемике папы Юлия с евсевиянами (340–341 гг.) // Современные проблемы изучения истории Церкви. М., 2011. С. 82–85.

¹¹ *Sozom.* Hist. eccl. III. 8.

¹² *Cyprian.* De unitate ecclesiae. V: «Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует» (episcopatus unus est cuius a singulis in solidum pars tenetur).

¹³ *Cyprian.* Ep. 43. 5. «Один Бог и один Христос и одна Церковь и одна кафедра, воздвигнутая на Петре по слову Господню. Не может быть, что был воздвигнут иной алтарь или явилось новое священство помимо одного алтаря и одного священства» (Deus unus est et Christus unus et una ecclesia et cathedra una super Petrum Domini voce fundata. Aliud altare constitui aut sacerdotium novum fieri praeter unum altare et unum sacerdotium non potest).

¹⁴ *Basil.* Ep. 197.

¹⁵ *Diss. Max.* 123: «Как он (папа Дамас. — Г. 3.) не указал, и вы не поняли, что престол Петра у всех епископов одинаковый и общий, т.к. упомянутый святой апостол в равной мере по Божественному достоинству не только епископа города Рима, но и всех посвятил, он же не только не требовал никакого преимущества среди соапостолов, но, напротив, служил им, поскольку знал, что они по равному от Господа достоинству были избраны к апостольскому служению?» (Cur non et ipse advertit et vos intellegitis Petri sedem omnibus episcopis et aequalem

Однако, несмотря на то что идея преемственности всех епископов в отношении ап. Петра сохранится на православном Востоке и будет активно использоваться в полемике с Римской Церковью¹⁶, уже в IV столетии из исторического факта преемства Римской Церкви в отношении ап. Петра будут сделаны практические, организационные выводы. На Сердикском соборе 343 г. сторонники свт. Афанасия Великого (главным образом западные епископы) в пылу полемики с евсевьянами провозглашают Римский престол как кафедру Петра, главой всех местных Церквей, к которой все они должны обращаться¹⁷. В канонах собора особые прерогативы Рима впервые получают церковно-правовую фиксацию. Римскому престолу по решению отцов собора были делегированы особые судебные прерогативы — епископ, низложенный провинциальным собором и не согласившийся с этим решением, мог теперь подать апелляцию римскому епископу. Последний, если он считал это нужным, мог созвать новый собор из епископов соседних провинций и прислать на него своих легатов¹⁸. Наделение Римской Церкви особыми полномочиями мотивируется в третьем каноне собора стремлением почтить ап. Петра (*sanctissimi apostoli Petri memoriam honoremus; Πέτρον τοῦ ἀποστόλου τὴν μνήμην τιμῶμεν*). Таким образом, мы сталкиваемся в данном случае с синтезом традиционной идеи особого исторического значения Римской Церкви как имеющей апостольское происхождение (наряду с другими церквями) и концепции Петровой кафедры как универсального основания церковной иерархии.

Идея превращения Римской Церкви в единый центр всего христианского мира, наделенный определенными властными полномочиями, была особенно привлекательна в период арианского кризиса, поставившего христианский мир на грань трагического и необратимого разделения и побуждавшего к поискам неких механизмов сохранения церковного единства на вселенском уровне. Во второй половине IV в. римский папа Дамас I (366–384) будет активно развивать новую римо- и петроцентрическую эkkлезиологию, используя для ее обоснования традиционный принцип апостоличности. Однако если изначально апостольскими считались все Церкви, имеющие историческое преемство в отношении какого-либо апостола, то отныне «апостольским престолом» будет именоваться преимущественно Римская кафедра, и историческая связь лишь с одним первоверховным апостолом Петром теперь будет рассматриваться как

esse et communem, siquidem memoratus sanctus apostolus eandem non solum urbis Romae episcopo, sed etiam cunctis divina dedicaverit dignatione, ipse etiam non solum nullam praerogativam inter coepiscopos vindicaverit sibi, verum etiam officiosus fuerit eis, utpote quos pari dignatione Domini ad officium apostolatus cognosceret delectos?) (см.: *Gryson R. Scolies ariennes sur le concile d'Aquilée* (SC. 267). P., 1980. P. 306. См. также: *Meslin M. Les Ariens d'Occident, 335–430*. Paris, 1967. P. 339–343).

¹⁶ См.: *Пеликан Я. Христианская традиция. История развития вероучения. Т. 2: Дух восточного христианства (600–1700)*. М., 2009. С. 152–164.

¹⁷ *Hilar. Fr. II. 9*: «Будет очевидно, что прекрасно и совершенно правильно, если священники Господни из каждой конкретной провинции будут обращаться к главе, то есть к престолу апостола Петра» (*Nos enim optimum et valde congruentissimum esse videbitur, si ad caput, id est ad Petri apostoli sedem, de singulis quibusque provinciis Domini referant sacerdotes*).

¹⁸ В латинской версии — каноны 3; 4; 7, в греческой — каноны 3; 4; 5. См. текст двух латинских и греческой версий канонов в работе Г. Хесса: *Hess H. The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica*. Oxford, 2002. P. 212–255.

основание для церковного первенства на вселенском уровне¹⁹. Однако само понятие «апостольский престол» впервые начинает использоваться в источниках для обозначения Римской кафедры несколько ранее, в 50-е гг. IV в., в творениях предшественника Дамаса св. папы Либерия, а также свт. Афанасия Великого.

Папа Либерий взшел на Римскую кафедру весной 352 г., после кончины своего предшественника Юлия I, который на протяжении целого десятилетия был последовательным сторонником свт. Афанасия и оппонентом евсевиян²⁰. Твердость папы Юлия в этом вопросе подкреплялась поддержкой западного епископата (которая в особенности проявилось на упоминавшемся выше Сердикском соборе 343 г.), а также августа Константа, оказывавшего постоянное давление на своего брата и соправителя на Востоке Констанция II. Последний вынужден был вернуть под напором брата александрийскому святителю его престол. Однако в 351 г. политическая ситуация в Империи кардинальным образом изменилась. Констант был убит узурпатором Магненцием, провозгласившим себя августом Запада. Однако его широкомасштабная война с Констанцием сначала в Иллирике, а потом в Галлии закончилась победой последнего. Констанций стал единодержавным правителем Империи, и ничто уже не могло сдерживать его стремления разрешить арианский кризис так, как он это понимал, т.е. устранив его главного «виновника» — свт. Афанасия Александрийского. Под нажимом императора западный епископат раскололся. На соборе в Арелате в 353 г. свт. Афанасий был осужден, причем это решение было подтверждено одним из папских легатов (еп. Винцентием Капуанским)²¹. Однако папа Либерий, опираясь на поддержку своей паствы, попытался отстоять римский взгляд на проблему и следовать линии своего предшественника. Он отказывается признать справедливость осуждения свт. Афанасия²², но в то же время, как и Юлий, стремится взять инициативу в свои руки: он вызывает александрийского епископа в Рим для нового разбирательства²³, а также обращается к императору с предложением созвать новый собор по делу свт. Афанасия в Аквилее²⁴, в чем можно усмотреть попытку предложить Констанцию некое компромиссное решение, ведь свт. Афанасий был уже оправдан Римским и Сердикским соборами и никаких оснований для пересмотра этих решений, в сущности, не было.

¹⁹ См.: *Batiffol P. Cathedra Petri: études d'histoire ancienne de l'Eglise*. P., 1938. P. 152–154; *Reutter U. Damasus, Bischof von Rom (366–384). Leben und Werk*. Tübingen, 2009. S. 468–513.

²⁰ О церковно-политической ситуации середины IV в. см.: *Barnes T. D. Athanasius and Constantius. Theology and politics in the Constantinian Empire*. Cambridge, 1993. P. 101–143; *Hanson R. P. C. The Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy*, 318–381. L., 2005. P. 315–347; *Simonetti M. La crisi ariana nel IV secolo*. Roma, 1975. P. 220–227; 235–236; *Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organization, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Roma, 1976. P. 237–263; *Pietri Ch. La question d'Athanase vue de Rome (338–360) // Politique et théologie chez Athanase d'Alexandrie: Actes du colloque de Chantilly 23–25 septembre 1973 / Ed. Ch. Kannengiesser*. P., 1974. P. 93–126.

²¹ *Hilar. Fr. VI. 3.*

²² *Hilar. Fr. V.*

²³ *Hilar. Fr. IV. 1.* Свт. Афанасий игнорирует это обращение, поскольку, в отличие от Юлия, опиравшегося на поддержку Константа, Либерий уже не может ему в реальности ничем помочь, и скрывается от преследователей в египетской пустыне.

²⁴ *Hilar. Fr. VI. 3.*

Папа пытается консолидировать оппозиционно настроенный по отношению к церковной политике императора Констанция епископат, ведя активную переписку с наиболее видными его представителями Евсевием Верцелльским, Осием Кордубским и др. Когда после Медиоланского собора 355 г. большинство из них оказывается сосланным, Либерий выступает в их поддержку²⁵. Тучи все более сгущаются над римским епископом. И император Констанций, и епископы из его окружения, и даже языческие наблюдатели прекрасно понимают, что евсеврианское течение не сможет одержать победу на Западе, пока сопротивление Либерия не будет сломлено²⁶. В результате Либерий также покидает свою кафедру и отправляется в ссылку во Фракию²⁷. На римский престол возводится диакон Феликс, который, по утверждению блж. Иеронима, был креатурой влиятельного представителя евсеврианского течения Акакия Кесарийского²⁸.

Противостоя воле императора, папа Либерий, естественно, не мог не задумываться о своих полномочиях и месте римского престола в Церкви. В послании к Констанцию Либерий мотивирует свою непреклонность следующим образом: «По обычаю и установлению предшественников я ничему не позволил добавиться или убавиться от епископства города Рима. И служа той вере, которая дошла через преемство стольких епископов, среди которых было множество мучеников, желаю, чтобы [она] всегда сохранялась» (*Secutus morem ordinemque majorum, nihil addi episcopatu urbis Romae, nihil minui passus sum: et illam fidem servans, quae per successionem tautorum episcoporum cucurrit, ex quibus plures martyres exstiterunt, illibatam custodiri semper exopto*)²⁹. Этими словами папа демонстрирует свой традиционализм, вполне вписывающийся в рамки эклизиологии первых веков: римский епископ действует не самочинно, а следуя непрерывной традиции, сохраняемой предстоятелями Римской Церкви. И целью этих действий является в конечном счете сохранение незыблемости апостольского предания. Однако послание Либерия к Евсевию Верцелльскому указывает на то, что, в отличие от авторов доникейского периода, Либерий, судя по всему, считал подобного рода миссию уникальной и принадлежащей только римскому престолу: «Мне, возлюбленный брат, в настоящей жизни стала укреплением непобедимая вера твоя, в которой, согласно евангельским наставлениям, никоим образом ты не отошел от общения с апостольским престолом» (*Me, frater carissime, ad solatium vitae praesentis erigit invicta fides tua, qua secutus Evangeliorum praecepta, nullo genere a consortio sedis apostolicae discrepasti*)³⁰. Эта мимоходом брошенная фраза содержит сразу две новаторские идеи: 1) Римская кафедра именуется просто «апостольским престолом», причем в таком контексте, что этот термин фактически используется как технический. Таким образом, апостоличность замыкается на преемстве римских епископов в отношении ап. Петра (и, возможно, Павла); 2) приверженность православной вере связывает-

²⁵ *Hilar.* Fr. VI; PL. 8. Col. 1349–1351.

²⁶ *Amm. Marcell.* XV. 7. 9–10.

²⁷ *Theodoret.* Hist. eccl. II. 16.

²⁸ *Hieron.* De vir. illustr. XCVIII.

²⁹ *Hilar.* Fr. V. 3.

³⁰ PL. 8. Col. 1350.

ся Либерием с сохранением общения с Римской Церковью, что мотивируется «евангельскими наставлениями» (*secutus Evangeliorum praeserta*), т.е., вероятно, обетованием Господа Петру (Мф 16. 18–19). В силу этого общение с Римским престолом может рассматриваться как одно из необходимых условий принадлежности к Кафолической Церкви. Несмотря на то что источники не позволяют нам детально реконструировать представления папы Либерия о римском примате, можно со значительной степенью уверенности утверждать, что эkkлезиологическое сознание римских предстоятелей в его лице сделало решительный шаг от традиционной эkkлезиологии, основанной на идее преемства апостольского предания, к эkkлезиологии единого центра, которая поставит во главу угла общение с кафедрой Петра и иерархическое подчинение Риму.

Однако исторические обстоятельства понтификата Либерия не способствовали утверждению подобного рода модели церковного единства. Находясь в ссылке в Берое под надзором местного епископа и сторонника евсевианского течения Демофила, папа Либерий заявил о разрыве общения со свт. Афанасием (вспомнив при этом его отказ явиться в Рим для пересмотра дела)³¹ и подписал некую сирмийскую формулу (*fidem vestram et catholicam exponere, quae Sirmio a pluribus fratribus et coepiscopis nostris tractata, exposita et suscepta est*)³², признав ортодоксальность евсевиан³³. Примерно в то же время было сломлено и сопротивление Осия Кордубского, подписавшего в 357 г. вторую сирмийскую формулу³⁴. Свт. Афанасий Великий откликнулся на эти события из своей египетской пустыни пространном историко-полюемическим сочинением «История ариан к монахам». В нем александрийский епископ всячески демонстрирует, что у него

³¹ *Hilar. Fr. IV. 1.*

³² *Hilar. Fr. VI. 6.*

³³ Исследователи расходятся в вопросе о том, о какой формуле идет речь. Ш. Пьетри и Т. Д. Барнс считают, что Либерий подписал первую сирмийскую формулу 351 г., направленную против динамиста Фотина Сирмийского. Г. М. Гуоткин, Х. К. Бреннеке и В. А. Лёр связывают с его именем вторую сирмийскую формулу 357 г., отвергнутую не только никейцами, но и омиусианами. К. Гефеле полагает, что папа поставил подпись под третьей сирмийской формулой 358 г. Ж. Цейлер и А. Амман считают, что папа одобрил и первую, и третью сирмийские формулы. И, наконец, по мнению Г. Фернандеса, речь может идти об одобрении Либерием гипотетической формулы восточных епископов, представленной участникам Сирмийского собора 347 г. (см.: *Pietri Ch. Roma Christiana. P. 257; Pietri Ch. La question d'Athanase... P. 125; Barnes T. D. Capitulation of Liberius and Hilary of Poitiers // Phoenix. 1992. Vol. 46. Pt. 3. P. 261; Gwatkin H. M. Studies of Arianism. Cambridge, London, 1900. P. 194; Brennecke H. C. Hilarius von Poitiers und die Bischofsoption gegen Konstantius II: Untersuchungen zur dritten Phase des arianischen Streites (337–361). Berlin, New York, 1984. S. 292–297; Löhr W. A. Die Entstehung der homöischen und homöusianischen Kirchenparteien: Studien zur Synodalgeschichte des 4. Jahrhunderts. Bonn, 1986. S. 58–59; Hefele K. Histoire des Conciles d'après les documents originaux. T. I.2. P., 1907. P. 915–916; Zeiller J. Les origines chrétiennes dans les provinces danubiennes de l'Empire Romain. P., 1918. P. 280; Hamman A. Saint Hilaire est-il témoin à charge ou à décharge pour le pape Libère? // Hilaire et son temps. P., 1968. P. 45; Fernandez G. Athanasius of Alexandria and Liberius of Rome. Analysis of the letter "pro deficio timore" of Liberius in the light of the edict of Arles of 353 // Arianism. Historical and Theological Reassessments. Papers from the Ninth International Conference on Patristic Studies. September 5–10, 1983. Oxford, 1985. P. 303–311).*

³⁴ См.: *Захаров Г. Е. Вторая сирмийская формула: исторический контекст и богословское содержание // Вестник древней истории. 2010. № 2. С. 149–165.*

нет обиды на Либерия, и подчеркивает, что его действия стали следствием насилия³⁵. В доказательство свт. Афанасий приводит речь Либерия, обращенную к императору Констанцию, которая, вполне возможно (учитывая близость этого текста к диалогу Либерия и Констанция, который приводит в своей «Церковной истории» блж. Феодорит Кирский³⁶), отражает позицию папы до его «падения». Свт. Либерий опирается в своем противостоянии властным притязаниям императора на апостольские постановления, подчеркивает свое преемство в отношении ап. Петра и требует созыва нового собора, который был бы свободен от давления гражданских властей³⁷.

Порицая «ариан» за насильственные действия в отношении Либерия, свт. Афанасий указывает: «...не постыдились, что это апостольский престол, не уважили, что Рим есть столица Романии» (καὶ οὐχ ὅτι ἀποστολικὸς ἐστὶ θρόνος ἠδέσθησαν, οὐδ' ὅτι μητρόπολις ἢ Ῥώμη τῆς Ῥωμανίας ἐστὶν ἠὺλαβήθησαν)³⁸. Эта фраза ставит перед нами вопрос: можно ли считать, что свт. Афанасий Великий, используя понятие «апостольский престол», демонстрирует свое согласие с эkkлeзиoлoгичeски ми воззрениями папы, о которых речь шла выше? Именно так эту фразу интерпретирует В. Туми³⁹. Однако, на наш взгляд, прав М. Маккарроне, когда настаивает на том, что свт. Либерий и свт. Афанасий употребляют этот термин в разных значениях: александрийский епископ лишь подчеркивает, что Рим является апостольской кафедрой в общем смысле (*una espressione generica*) и, в отличие от Либерия, не утверждает, что общение с Римской Церковью необходимо для сохранения ортодоксии⁴⁰. Причем значение Рима обосновывается свт. Афанасием не только исходя из принципа апостоличности, но и из его столичного статуса. Следует также отметить, что свт. Афанасий связывает особую честь Римской Церкви не только с ее предстоятелем, но и с его паствой, упоминая о том, что сами евсевяне именовали римлян «мужами апостольскими» (ἀποστολικὸς αὐτοῦς ἄνδρας)⁴¹.

Таким образом, можно утверждать, что свт. Афанасий и папа Либерий, используя один и тот же термин «апостольский престол» по отношению к Римской кафедре, совершенно по разному представляют себе роль Римской Церкви в осуществлении католического единства. Если папа абсолютизирует значение Петрова преемства римских епископов, сужая тем самым традиционную концепцию апостоличности, и мыслит общение с Римом как необходимое условие сохранения ортодоксии, то свт. Афанасий просто подчеркивает достоинство Римской Церкви и осуждает насильственные действия, приведшие к «падению» ее предстоятеля, после которого Рим вряд ли мог притязать на то, чтобы высту-

³⁵ *Ath. Hist. arian.* 41.

³⁶ *Theodoret. Hist. eccl.* II. 16.

³⁷ *Ath. Hist. arian.* 36. Последний тезис являет собой лейтмотив всего сочинения свт. Афанасия. Ср.: *Ath. Hist. arian.* 44; 52.

³⁸ *Ath. Hist. arian.* 35.

³⁹ *Twomey V. Apostolikos Thronos: The Primacy of Rome as Reflected in the Church History of Eusebius and the Historico-Apologetical Writings of Saint Athanasius the Great.* Münster, 1982. P. 523.

⁴⁰ *Maccarrone M. Romana ecclesia — cathedra Petri.* Vol. I. R., 1991. P. 9; ср. *Batiffol P. Cathedra Petri.* P. 155 (по мнению исследователя, говоря об «апостольском престоле», свт. Афанасий не считает, что Рим является им в каком-то особом смысле).

⁴¹ *Ath. Hist. arian.* 35.

пать в роли столпа кафолической веры. Подобного рода подход в полной мере соответствует прагматической политической линии свт. Афанасия, для которого поддержка Рима была важна лишь тогда, когда действия римских епископов могли принести эффект. В своем противостоянии с евсевианами свт. Афанасий неоднократно обращался и к иным силам, которые могли стать его опорой, например к императорской власти и египетскому монашеству. Следует подчеркнуть, что подобного рода ситуативный и прагматический взгляд на роль Римской Церкви в сохранении кафолического единства и ортодоксии впоследствии станет характерной чертой византийской традиции. Как справедливо отмечает Ф. Дворник, «во времена кризиса об этом принципе (римском примате. — Г. З.) вспоминали в Византии, просили и ожидали помощи римского епископа, но также и проявляли недоверие к его растущему престижу и отказывали ему в праве непосредственно вмешиваться во внутренние дела Византийской Церкви»⁴². И в этом заключается фундаментальное отличие восточного взгляда на церковное первенство от римской модели, в рамках которой примат выступает не как одно из средств решения церковных проблем, а как источник церковного единства.

Ключевые слова: Римский престол, арианский кризис, свт. Афанасий Великий, раннехристианская эkkлезиология.

“APOSTOLIC THRONE” IN THE WRITINGS OF ST. LIBERIUS OF ROME AND ST. ATHANASIUS THE GREAT

G. ZAKHAROV

The article is devoted to comparative analysis of the first two references in the sources to the Roman chair as «Apostolic throne» in the writings of St. Pope Liberius and St. Athanasius the Great (the middle of the IV century). The author concludes that the Roman and Alexandrian bishops use this term in different ways. If Pope considers that Rome is the Apostolic See in exceptional sense and communion with Rome is necessary for preservation of the orthodoxy, St. Athanasius simply underlines the special dignity of the Roman Church as having apostolic origin and located in the capital of the Empire, and condemns the violent actions that led to the «fall» of the Roman bishop.

Keywords: Roman See, Arian controversy, St. Athanasius the Great, early Christian ecclesiology.

---

⁴² Dvornik F. Byzance et la primauté romaine. P., 1964. P. 20.